

Первая Российская Государственная дума

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 32
ББК 66
П26

П26 Первая Российская Государственная дума / – М.: Книга по Требованию, 2013. – 162 с.

ISBN 978-5-458-52349-3

Возникновение Государственной думы - один из самых величайших и торжественных моментов в русской истории. Государственная дума Российской империи I созыва провела одну сессию и просуществовала 72 дня, с 27 апреля 1906 по 8 июля 1906 года, после чего была распущена императором. Предлагаемая книга большей частью представляет собой альбом портретов депутатов первой Российской Государственной думы с краткими биографическими сведениями. В книге также содержатся статьи : Исторический обзор народного представительства в России, Какая Государственной Думе предстоит работа, Чего Дума должна добиваться.

ISBN 978-5-458-52349-3

© Издание на русском языке, оформление

«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,

«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, кляксы, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ОТЪ РЕДАКЦИИ.

Возникновение Государственной Думы—одинъ изъ самыхъ величайшихъ и торжествен-
нейшихъ моментовъ въ русской исторіи.

Какъ въ жизни отдѣльного человѣка, такъ и въ жизни цѣлаго народа бываютъ разные
психологические моменты. Бываютъ моменты, такъ сказать, торжественно-героические, когда
народу везеть и обстоятельства для него складываются такъ, что ему безъ особенного труда
удается проявить свой гений, но бываютъ и моменты трагические, роковые, когда все у него
валится изъ рукъ и въ силу какихъ-то роковыхъ обстоятельствъ онъ становится на краю
погибели. Въ такие моменты все зависитъ отъ гenia народа: угадаетъ онъ тотъ поворотъ и
спасительный шагъ, который ему нужно сдѣлать для того, чтобы не попасть въ пропасть,
и онъ не только можетъ спастись, но еще можетъ завоевать себѣ свѣтлое будущее, а не
угадаетъ — и онъ погибъ.

Переживаемый въ настоящее время Россіей историческій моментъ именно одинъ изъ
такихъ трагически-роковыхъ моментовъ, когда русскому народу поневолѣ пришлось сдѣлать
рѣшительный поворотъ для того, чтобы спастись отъ той пропасти, къ которой привела его
бюрократія. И результатомъ этого спасительного движенія въ другую сторону была Государ-
ственная Дума.

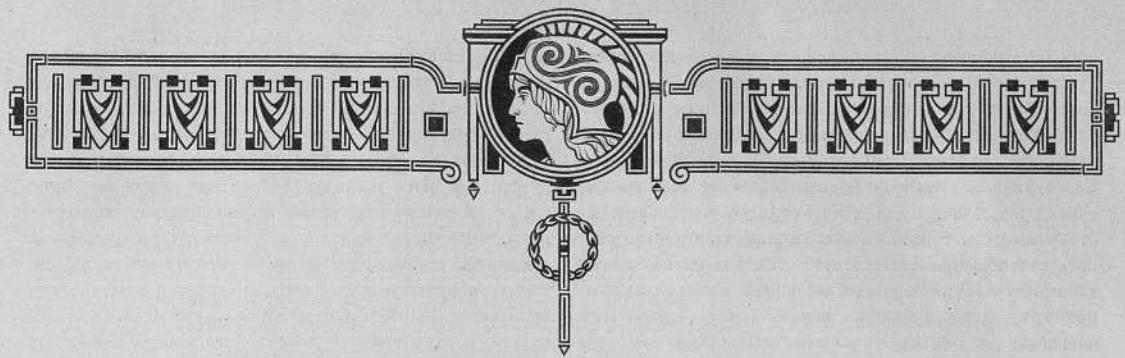
„Государственная Дума“ сама по себѣ еще не даетъ людямъ счастья, но это именно та
историческая столбовая дорога, по которой народъ, безъ опасенія попасть въ болото, можетъ
добраться до чего-нибудь толковаго, осмысленнаго. Ничего не значитъ, что это монументаль-
ное, величественное, государственное зданіе у насъ еще только вчернѣ, и много еще придется
русскому народу затратить труда, энергіи для того, чтобы завершить его — ничего не зна-
чить. Исторія никогда ничего сразу не дѣлаетъ. И прежде чѣмъ создать что-нибудь худо-
жественное, величественное и вполнѣ законченное ей приходится много поработать и затратить
не только много времени, труда, но и массу драгоцѣннаго человѣческаго материала. Но за
то никто и ничто ужъ не можетъ заставить ее отказаться отъ разъ созданнаго єю плана
и начатой работы; она всегда закончитъ то, что начала. И величественное, монументальное
государственное зданіе несомнѣнно будетъ закончено. Вотъ почему такъ великъ, торжествен-
нень моментъ возникновенія этого зданія; такого торжественно-величественного момента еще
не было въ Русской исторіи.

Русскій народъ росъ, крѣпъ, собирался съ силами, расширялъ свою землю, покорялъ
другіе народы, создалъ одно изъ величайшихъ въ мірѣ государствъ, но у него не было того,
что даетъ устойчивость и прочность государству: у него не было правового порядка. Порядокъ,
существовавшій въ Россіи до Государственной Думы, былъ установленъ не для граж-
данъ, а для рабовъ, крѣпостныхъ. И только въ Таврическомъ дворцѣ русскій народъ, въ лицѣ
своихъ представителей, громогласно, торжественно заявилъ, что онъ ужъ больше не рабъ,

крѣпостной, а народъ свободный и хочетъ зажить новой, общечеловѣческой жизнью. Правда, этотъ голосъ еще всячески старается заглушить та наемная, бюрократическая клика, которая до сихъ поръ самовластно распоряжалась судьбами русскаго народа, но это ничего не значитъ. Голосъ цѣлаго, свободнаго народа заглушить нельзя: онъ сильнѣе грома небеснаго. И первая Государственная Дума, гдѣ впервые раздался этотъ могучій голосъ, несомнѣнно, будетъ служить вѣчнымъ памятникомъ переживаемаго Россіей великаго исторического момента; ибо что можетъ быть величественнѣе въ жизни народа, какъ моментъ его освобожденія изъ рабства и возрожденія въ немъ „человѣка“ и „гражданина“. И поэтому-то весь міръ съ такимъ вниманіемъ слѣдитъ за тѣмъ, что происходитъ въ Таврическомъ дворцѣ. Въ этомъ дворцѣ, созданномъ руками крѣпостныхъ, совершилась великая тайна рожденія свободнаго русскаго народа, который на глазахъ у всѣхъ растетъ не по днямъ, а по часамъ, и который успѣлъ показать такие зубки, отъ которыхъ многимъ ужъ не поздоровилось.

И по нашему черты этого феноменальнаго, богатырскаго, рожденаго въ такихъ, почти сверхъ-естественныхъ, мукахъ и страданіяхъ, ребенка не должны исчезнуть; они должны быть начертаны и сохранены для потомства. Когда младенецъ войдетъ въ возрастъ, окрѣпнетъ, начнетъ проявлять свою силу во всю, онъ ужъ будетъ не такъ интересенъ; громадный интересъ онъ представляетъ только теперь. Вотъ побудительная причина, которая заставила насъ предпринять предлагаемое изданіе. Насколько намъ удалось выполнить эту задачу—пусть судить читатель. И если читатель найдетъ въ нашемъ изданіи какіе-нибудь недочеты, упущенія, то пусть онъ приметъ во вниманіе время, въ которое намъ пришлось его выпустить, ту массу труда, хлопотъ (по добыванію карточекъ, біографическихъ свѣдѣній), съ которыми подобное изданіе сопряжено,—пусть, говоримъ мы, приметъ онъ это во вниманіе—и пусть это послужить намъ извиненіемъ.

Исторический обзоръ народнаго представительства въ Россіи.

I.

Учреждение Государственной Думы (при условіи дальнѣйшаго ея совершенствованія) является крупнѣйшимъ историческимъ актомъ; отныне въ Россіи установлено участіе народной массы въ управлѣніи страною.

Такимъ образомъ, Государственная Дума является началомъ совершенно нового периода въ нашей народно-государственной жизни.

Однако тысячелѣтняя история Россіи свидѣтельствуетъ, что уже съ древнѣйшихъ временъ, въ княжескій и еще до Московскаго и вѣчевого Новгородско-Псковскаго periodовъ, имѣлись у насть зачатки народнаго представительства и различные способы проявленія воли всей народной массы. Впослѣдствіи, сначала Москва, а потомъ въ теченіе вѣковъ до самаго послѣдняго времени государственное управлѣніе отчаянно боролось со всѣми формами и проявленіями народовластия, и имъ дѣйствительно удалось смѣсти ихъ, окончательно и безслѣдно. Особенно въ новѣйший, начиная съ Петра, periodъ нашей истории можно проникли и укрѣпились такие прѣемы и средства государственного и общественнаго управлѣнія, которыми подавлялась не только свобода народа, но и всякое проявленіе его дѣятельности. На почвѣ этого управлѣнія не могъ проиразти ни одинъ ростокъ отъ живой работы не только всего народа, но и частей его, сословій, общественныхъ группъ и проч. Даже первичные сельскіе распорядки въ главныхъ и второстепенныхъ ихъ чертахъ, напримѣръ, самая земская учрежденія послѣднихъ десятилѣтій не имѣли на себѣ слѣдовъ самостоятельной народной или общественной дѣятельности.

Подумайте-же, читатель, что могло быть достигнуто тысячелѣтнимъ непрерывнымъ гнетомъ и преслѣдованиемъ всякаго проявленія народнаго разума и справедливости. Во что должна была обратиться страна, въ которой не дѣпускались живительная народная мысль и плодотворная его работа. Въ то время, когда во всемъ, причастномъ къ цивилизаціи мірѣ, подъ

вліяніемъ новыхъ культурныхъ средствъ, смѣна жизненныхъ явлений происходила съ особой быстротою—у насть укрѣплялся застой, одобрялись скудоуміе въ той или другой степени, формъ, варварство и дѣлалось обязательнымъ рабство. Ничуть не удивительно поэтому, что у многихъ выработалось мнѣніе, что весь ужасъ прошедшей исторической и современной русской жизни съ ея великими народными бѣдствіями, произволомъ, царствующимъ надъ народомъ, есть слѣдствіе роковыхъ расовыхъ чертъ. Эти черты, моль, неизмѣняемы, и въ нихъ — какъ полагали, напримѣръ, нашъ знаменитый Чадаевъ и другое—лежать причины всѣхъ отечественныхъ золъ.

Свидѣтельства лѣтописей до-московскаго времени очень немногочисленны, кратки и отрывочны, но всѣ они твердѣть о „рядѣ“ (договорѣ) князя съ народомъ, „мужами, старцами“, духовенствомъ, боярами и проч. Княжеская дума не была постояннымъ учрежденіемъ, съ болѣе или менѣе опредѣленнымъ составомъ. Это было не въ духѣ первыхъ вѣковъ образованія русскихъ княжествъ, изъ которыхъ сложилось потомъ главное ядро безпредѣльной россійской имперіи. Не существуетъ никакихъ указаний, чтобы народъ имѣлъ обыкновеніе ставить кого-либо между собою и княземъ въ качествѣ постоянныхъ его совсѣтниковъ, но жалованная грамота, напримѣръ, Ростислава Мстиславича смоленской епископіи дана была „по душѣ съ людьми своими“, а грамота Всеволода Новгородскаго о церковныхъ судахъ упоминаетъ о думѣ съ сотскими, старостами и боярами. Лѣтописецъ говоритъ (997 г.), что Владимиръ Мономахъ „думаль съ дружиною о строѣ земленѣмъ, и о ратехъ, и уставѣ земленѣмъ“. Къ обсужденію вопроса о вѣрѣ князь Владимиръ призывалъ не только бояръ своихъ, но и „старцевъ градскихъ“, т. е. людей неслужилыхъ; вопросъ касался всего населенія, и безъ участія послѣдняго въ совѣщаніи черезъ представителей не могъ быть разрѣшенъ. „Старцы“ приглашались Владимиромъ и въ другихъ случаяхъ; какъ люди неслужилые, старцы град-

скіе призывались имъ въ интересахъ населенія, представителей котораго онъ желалъ привлечь къ обсужденію вопросовъ законодательства. Составъ совѣтниковъ, которыхъ князья привлекали въ свою думу, былъ такъ разнообразенъ, что по мѣткому выражению професс. Сергѣевича, мы имѣемъ передъ собою не постоянное, учрежденіе, „не думу, а думцевъ“. Дѣйствительный составъ думцевъ того или другого князя легко могъ отступать отъ общепринятаго. Лѣтописи отмѣтили нѣсколько такихъ случаевъ. Черниговскій князь Святославъ, напримѣръ, однажды рѣшилъ начать войну „сдумавъ съ княгинею свою и съ Кочкаремъ, милостьюникомъ своимъ, и не повѣдѣ сего мужемъ своимъ и лѣпшимъ думы своея“. Были въ древности и такие князья, которые вообще не любили никакихъ совѣщаній. О галицкомъ князѣ Владимира лѣтописецъ говоритъ: „бѣ бо любезни въ питію многому и думы не любящеть съ мужми своими“. За то встрѣчаются извѣстія, согласно которымъ князь привлекалъ въ думу не только „мужей“ и не только свою удалую дружину, но и ногда и весь народъ. Такъ, вѣче превратилось въ княжую думу, когда Изѧславъ Мстиславичъ, задумавъ воевать съ своимъ дядею Юриемъ—онъ призываетъ на совѣщеніе „бояры свои, всю дружину свою, Кіянъ, и рече имъ“...

Извѣстенъ, впрочемъ, случай, что легкомысленный волынскій князь Владимира Мстиславичъ затѣялъ войну, не посовѣтовавшись съ народомъ о принятомъ рѣшеніи. И народъ отказался слѣдоватъ за нимъ, объясняя: „о собѣ еси, княже, замыслилъ; а не єдемъ къ тобѣ, мы того не вѣдали“. Жестокое пораженіе потерпѣлъ князь въ этой бранной затѣѣ безъ предварительного совѣщанія. Зависимость князя отъ думцевъ была, такимъ образомъ, не безусловная; князь могъ дѣствовать и безъ нихъ, на собственный страхъ, если у него было достаточно для этого силъ. Неопределенность связи между княжей думою и княземъ заключала въ себѣ тотъ главный недостатокъ въ ихъ взаимоотношеніяхъ, тѣ по преимуществу невыгодныя для народной жизни условія, благодаря которымъ эти зачатки народного представительства могли постепенно вырождаться, а съ наступленіемъ Московского исторического периода на Руси—почти безслѣдно исчезнуть. Москва все старое передѣлала на новое и положила начало той государственности, которую поглощались всѣ виды собственно народной и общественной дѣятельности, самые способы проявленія послѣдней. (Проф. В. Сергѣевичъ. Русскія юридическія древности).

II.

До наступленія Московского исторического периода жители Великаго Новгорода и Пскова пользовались правами самоуправляющихся государства. Управлялись они народнымъ собраніемъ и вѣче. Какъ и всѣ учрежденія древне-русскаго быта, послѣднее не было чѣмъ-нибудь опредѣленнымъ; всякое народное сходбище, въ которомъ мѣрянами обсуждались общественные,

свѣтскія или церковныя дѣла, носило название вѣча. Сходбища военной дружины точно также именовались вѣче. Въ Новѣ-Городѣ, отдельно отъ всякаго другого народного собранія, существовало, впрочемъ, еще большое вѣче, составлявшее верхъ законной власти. На немъ устанавливались приговоры по управлению, договоры съ князьями и иностранными землями, объявляли войну, заключали миръ, избирали духовныхъ владыкъ; на немъ-же опредѣлялись общія торговые права и достоинства монетъ, рѣшали дѣла по построенію міромъ церквей и монастырей. Вмѣстѣ съ этимъ, т. е. съ властью законодательной и, частично, исполнительной, большое вѣче было также и высшей судебной инстанціею, особенно въ дѣлахъ по нарушенію общественного права. Хотя за послѣднимъ зорко слѣдили, но всегда дѣлались попытки подрывать его; посягательства на общественное право не прекращались ни въ Новгородѣ, ни во Псковѣ, и едва устранялось одно, какъ являлось новое, другое.

Дѣло въ томъ, что и большое вѣче, въ свою очередь, отличалось неопределенностью въ отношеніи какъ характера дѣль, которыми оно вѣдало, такъ и самаго его состава. Подробностей относительно его существованія таъ мало—по свидѣтельству лучшаго историка сѣвернорусскихъ народоправствъ, Костомарова,—что многіе важнѣйшіе вопросы остаются неразрѣшенными. Вся невыгодность неопределенныхъ чертъ вѣча, какъ большого, такъ и всякаго другого, особенно ярко сказалась съ момента натиска московскаго единодержавія на вольности Новгорода и Пскова. На народные собранія, соотвѣтствующія понятію малаго вѣча, стали тогда смотрѣть очень косо, и именно какъ на „скопище буяновъ, разбойниковъ и коромыльниковъ“. Впрочемъ, еще раньше, благодаря той-же неопределенности вѣча, сильные новгородскіе и псковскіе круги заботились о возможномъ уменьшеніи значенія народныхъ собраній. Въ Новгородской лѣтописи названъ вѣчъ—заговоръ недовольныхъ архимандритомъ Есипомъ, и отзывъ объ этомъ заговорѣ, состоявшемся на вѣче, былъ такой: „изволеніемъ діаволимъ всташа простая чадъ на архимандрита Есипа, и сотвориша вѣче“. Когда случались разноголосицы въ Новгородѣ и разомъ возникали противныя другъ другу собранія народа, каждое изъ нихъ равнымъ образомъ называлось вѣче, и, при недостаткѣ правосознанія, старанія о взаимномъ униженіи приводили часто къ полному съ той или другой стороны отрицанію вѣчевъ постановленій. Тамъ, где было несомнѣнное полномочие на постановленіе, послѣднее противной стороны просто не признавалось или же даже считалось преступнымъ, незаконнымъ. Неизвѣстно, имѣлись ли какой-нибудь способъ повѣрки приходившихъ на вѣче. Едва-ли тогда существовалъ таковой. Мѣсто отправленія собраній на воздухъ и сзыѣ звономъ колокола заставляютъ предполагать неудобства для повѣрки участниковъ въ собраніи. Неизвѣстно также, существовалъ-ли опредѣленный способъ сбора голосовъ, или дѣла рѣшались при посредствѣ просто

воскликнаній участниковъ собранія. Дѣла рѣшались, повидимому, не на основаніи прочно установленныхъ правилъ объ ихъ веденіи, а численнымъ преобладаніемъ голосовъ, которому, вѣроятно, могло быть не чуждо и простое насилие въ интересахъ того или другого постановленія.

Въ то же время право присутствованія на вѣчѣ никако не ограничивалось, и въ этой свободѣ собранія сказывается вполнѣшая разумность. Всѣ граждане, какъ богатые, такъ и бѣдные, какъ бояре и могущественные тогда представители торгового сословія, такъ и „черные“ люди, имѣли право быть на вѣче дѣятельными членами. Цензовъ не существовало. Но одни-ли только Новгородцы, т. е., жители города, или всей Новгородской Земли могли участвовать на вѣчѣ—не вполнѣизвестно; изъ классовъ народныхъ, упоминаемыхъ въ грамотахъ, видно, что тамъ участвовали посадники, бояре, купцы, житые, простонародье и черные люди. Бояре-землевладѣльцы само собою были уже представители не города, а всей земли. Жившіе постоянно въ отдаленной землѣ бояре все-таки назывались Новгородцами; точно также и купцы составляли классъ по занятію, а не по мѣсту жительства, и, слѣдовательно, пользовались правомъ участія на вѣчѣ, хотя бы они и не жили въ самомъ Новгородѣ. „Житые“ люди присутствовали на вѣчѣ въ качествѣ жителей окружговъ („концовъ“) Новгородской Земли; изъ нихъ, по выбору, въ Новгородѣ составлялись посольства въ страны и области, которыми интересовалось дѣятельное народоправство. Что касается черныхъ людей, то ихъ участіе на вѣчѣ несомнѣнно, но какъ оно происходило, неизвестно: тѣ-ли только участвовали, которые жили въ городѣ, или же также присыпали выборныхъ изъ разныхъ частей Новгородской Земли. Жившіе въ пригородахъ могли принимать участіе на вѣчѣ, какъ пригорожане.

Судя по чертамъ описанія послѣдняго вѣча во Псковѣ, возвышеніе, куда вели ступени, служило трибуной. Съ него говорили къ народу. Оно находилось у вѣчевой башни: въ ней помѣщалась „вѣчевая изба“, т. е. канцелярія вѣча. Рѣшеніе вѣча называлось приговоромъ и записывалось въ грамоту: для этого существовала должность дьяка (секретаря). Къ грамотѣ прикладывалась свинцовая печать, которая привѣшивалась къ грамотамъ сурками. (Н. Костомаровъ. Сѣверорусская народоправства во времена удѣльно-вѣчевого уклада).

Вѣчевые вольности были, однако, какъ мы уже упомянули, совсѣмъ не по душѣ московскому единодержавію. Иванъ Грозный, признававшій себя государемъ „Божіимъ изволеніемъ, а не многомягчнаго человѣчества хотѣніемъ“, особенно ненавидѣлъ всякия вѣчевые проявленія. Онъ, который едва только узнавъ о значеніи палаты общинъ въ Англіи, писалъ англійской королевѣ Елизавѣтѣ: „мы чаяли того, что ты на своемъ государствѣ государыня и сама владѣешь, а у тебя мимо тебя люди владѣютъ и не токмо люди, а мужики торговы (т. е. палата общинъ), а ты пребы-

ваешь въ своемъ дѣвическомъ чину, какъ есть пошлая (заурядная) дѣвица“, онъ естественно не могъ вынести самой мысли о какомъ-то народоправствѣ въ Новгородѣ, Псковѣ и разныхъ другихъ городахъ. Послѣ того какъ его отецъ и дѣдъ ужешли войною на Новгородъ, Грозный нанесъ послѣднему такой ударъ, отъ которого онъ не могъ оправиться. При посредствѣ преданныхъ ему дворянъ, собравъ въ 1560 году множество войска и всѣхъ своихъ опричниковъ, онъ направился съ этой грозной силою въ Новгородъ. По дорогѣ города Клинъ, Тверь, Торжокъ и другие были первыми жертвами отрядовъ, шедшихъ съ нимъ на грабежъ, убийства и насилия. Главная цѣль неистовства Ивана IV заключалась въ устрашении народа, продолжавшаго питать симпатіи къ своимъ прежнимъ правопорядкамъ, находившимъ защиту въ Новгородѣ. Достигнувъ главнаго очага народныхъ вольностей, послѣ цѣлыхъ рядовъ массовыхъ убийствъ, послѣ преданія огню деревень и разграбленій опричниками купеческихъ товаровъ, Грозный собралъ, прежде всего, знатѣйшихъ жителей и повелѣлъ терзать ихъ, по выражению лѣтописца, „неисповѣдимыми муками“. Долгія недѣли продолжалась царева ярость въ видѣ обезлюденія и лишенія средствъ богатаго города и окружавшаго его края. Только тогда, когда онъ воочию убѣдился въ покорности ему новгородцевъ, въ томъ, что силы ихъ сломлены и что—какъ онъ самъ объ этомъ говорилъ,—„извѣль изъ Новогорода крамолу“, онъ отправился во Псковъ. Тутъ Грозный дѣйствовалъ тѣми-же прѣемами по части ограбленія жителей, но, благодаря какому-то суевѣрному признаку, щадилъ ихъ жизнь.

Этими актами неслыханныхъ опустошеній, грабежа и жестокости закончились настоянія жителей искони свободныхъ городовъ практиковать древнее народоправство. Могучіе ростки этой свободы, давшіе жителямъ не только зажиточность, но и богатство и предоставившіе имъ крупную роль въ международныхъ отношеніяхъ, были вырваны съ корнемъ и, вмѣсто нихъ, насижено было московское самовластіе въ самыхъ различныхъ его формахъ. По мѣрѣ ознакомленія жителей сѣверорусскихъ народоправствъ съ европейской культурой и по мѣрѣ усложненія у нихъ жизни, съ сильной общественной подкладкой—народная свобода неизбѣжно совершенствовались-бы. Но исторический рокъ судилъ иное: стремленіе первыхъ сильныхъ властителей Москвы къ государственному самодержавіюшло въ разрѣзъ со всяkimъ проявленіемъ свободы гдѣ бы то ни было.

III.

Но одна изъ самыхъ яркихъ и прекрасныхъ черты народной жизни заключается въ томъ, что въ ней никогда не угасаютъ святые огоньки свободы и человѣческаго правосознанія. Они пробиваются сквозь тысячи препятствій и горятъ даже тогда, когда ихъ считаютъ совершенно померкшими или вполнѣ погасшими. Въ теченіе восьмилѣтней смуты, слѣдовавшей за смертью

Ивана Грозного, почти на каждомъ шагу прорывается мысль о настоятельной необходимости выборныхъ представительныхъ началь для устройства лучшихъ порядковъ въ государственной, общественной и хозяйственной жизни Россіи. Среди полнѣйшаго истощенія крестьянскаго населенія, крайняго обѣденія въ городѣ торгового класса, междуусобицъ и взаимнаго истребленія бояръ и, наконецъ при совершенномъ отсутствіи на Руси сколько-нибудь устойчиваго правительства — упорядоченіе жизни считалось возможнымъ только при условіи народнаго представительства. Едва только Москва была, наконецъ, освобождена и поляки изгнаны, какъ выборы нового правительства, и именно выборы его, а не укрѣпленіе существовавшаго нѣчто похожаго на правительство, сдѣлялись главной задачей тогдашней русской жизни. Во всѣ концы Московскаго государства были посланы тогда оповѣщенія о необходимости выборнаго собранія отъ всѣхъ народныхъ классовъ, сельскихъ жителей, горожанъ, крестьянъ, торгового сословія и „служилыхъ людей“, т. е. бояръ и дворянъ. Собрание состоялось въ Москвѣ, и въ каждомъ важномъ случаѣ вновь прибѣгали къ созыву такихъ собраний. При царѣ Михаилѣ Феодоровичѣ Романовѣ имѣли мѣсто двѣнадцать Земскихъ Соборовъ. Нельзя не вспомнить при этомъ о Земскомъ Соборѣ, въ которомъ шла рѣчь, главнымъ образомъ, объ имѣвшемся намѣреніи вести войну съ султаномъ по поводу захвата казаками Азова. Представители крестьянъ на Соборѣ доложили слѣдующее: „мы, тяглые людишки, оскудѣли и обнищали отъ пожаровъ, отъ постакидаточныхъ людей (солдатъ въ армии и ополченцы), отъ подводъ, отъ всякихъ государственныхъ податей. И отъ великой бѣдности многие тяглые людишки изъ сотенъ и слободъ разбрелись розно и покинули свои дворишки“. Въ виду этого заявленія, войну не затѣяли, а, напротивъ, поспѣшили помириться съ султаномъ. Народное представительство сказалось въ этомъ случаѣ во всей его справедливой мощи.

Съ того времени почти два цѣлыхъ столѣтія продолжалось на Руси укрѣпленіе единой самодержавной власти вѣтъ всякаго участія въ какой-либо сторонѣ государственного и общественного управлениія народнаго представительства *). Съ царствованія Алексія Михай-

ловича вплоть до начала 19 вѣка, до царствованія Александра Перваго не возникала даже мысль о томъ, что творческое дѣло въ государственномъ управлениі возможно лишь при участіи въ этомъ управлениі выборныхъ отъ народа. Наиболѣе могучими проводниками началъ самовластія были Петръ I и Екатерина II-я. Въ ихъ царствование за народомъ или отдельными сословіями не признавалось право самодѣятельности, и все и вся, сплошь до насажденія въ странѣ рабства подъ названіемъ крѣпостного состоянія, насильнически устанавлялось въ интересахъ единовластія. Позже, аракчеевскія затѣи имѣли тотъ же поводъ, ту-же жизненную подкладку. За эти два вѣка Россія сильно выросла въ пространствѣ, но изъ ея населенія настойчиво выше-луживались не только всякия желанія справедливой и разумной человѣческой жизни, но и самая понятія о ней.

Правда, Александръ I-й при своемъ вступлениі на престоль имѣлъ намѣреніе созвать Земской Соборъ, чтобы сколько-нибудь улучшить государственное управлениѣ, пришедшее, по высказанному имъ мнѣнію, „въ неимовѣрномъ безпорядкѣ“, но, на дѣлѣ это было ему далеко не по душѣ, такъ какъ оно грозило, впервыхъ, освѣдомленіемъ народныхъ представителей объ этомъ неимовѣрномъ безпорядкѣ, а во-вторыхъ — возможностью со стороны представителей желанія, впредь контролировать правительственную дѣятельность. Скоро окружавшіе царедворцы окончательно отклонили его отъ этой мысли, опасаясь, что на Соборѣ можетъ быть поднятъ также вопросъ объ освобожденіи крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, о которому этотъ Государь временами не разъ упоминалъ, какъ о первѣйшей его заботѣ.

Но въ Европѣ совершились чрезвычайныя и великия события, въ которыхъ Россіи суждено было принять первенствующее участіе, и они-то послужили сильнымъ толчкомъ для возбужденія вновь въ нѣкоторой части русского общества мысли о необходимости участія народа въ государственномъ управлениі. „Возвратившіеся въ 1815 году въ Петербургъ послѣ походовъ въ Германію и Францію русскіе офицеры гвардіи и генеральна штаба ознакомились съ европейской цивилизацией, которая произвела на нихъ тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе, что они могли сравнивать все, видѣнное ими за границей, съ тѣмъ, что имъ на всякому шагу представлялось на родинѣ: Рабство огромнаго большинства народа, жестокое обращеніе начальниковъ съ подчиненными, всякаго рода злоупотребленія власти, повсюду царствующій произволъ — все это возмущало и приводило въ негодованіе образованныхъ русскихъ и ихъ патріотическое чувство“. Такъ писалъ одинъ изъ участниковъ тогдашнихъ походовъ русскихъ войскъ въ Европу. Другой современникъ, дѣлавшій тѣ-же походы, передаетъ въ слѣдующемъ видѣ свои впечатлѣнія границей послѣ своего возвращенія домой: „Въ 1813 году императоръ обратился въ императора Европы. Подвигаясь впередъ съ оружиемъ въ рукахъ и призываю каждаго къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ

*) Единственное, стоящее быть упомянутымъ исключение за весь этотъ продолжительный періодъ, заключается въ попыткѣ ограничить власть Анны Иоанновны при вступлениі ея на всероссійский престолъ въ 1730 году. Попытка ни одной своей чертою не имѣла народнаго характера, исходила она отъ родовитаго царедворца, одного изъ всемогущихъ тогда князей Голицыныхъ, и увѣнчалась тогда успѣхомъ настолько, что въ теченіи мѣсяца, не больше, Анна подчинялась данному ею письменному обѣщанію — не налагать новыхъ податей, не утверждать бюджета, безъ суда „не отнимать жизни, чести и имѣнія у дворянства“ и проч. При представлении ей, послѣ внезапной смерти Петра II-го, договора обѣ условіяхъ, на которыхъ она можетъ возсѣсть на престолъ, она написала „по сему обѣщаю все безъ всякаго изъятія содѣжать“. И хотя въ договорѣ значилось: „а буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны Россійской“, но послѣ одного мѣсяца царствованія все пошло по ста-руму, т. е. на основаніи безграничнаго произвола ея ставленниковъ.

въ Германіи; но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ 1814 году въ Парижъ. Тутъ союзники, какъ алчные волки, были готовы броситься на павшую Францію. Императоръ спасъ ее. Въ это время республиканецъ Лагарпъ могъ только радоваться дѣйствіямъ своего царственнаго питомца. Изъ Франціи въ 14 году мы возвратились моремъ въ Россію. Первая гвардейская дивизія была высажена у Ораніенбаума и слушала благодарственный молебень. Во время молебствія полиція нещадно била народъ, пытавшійся приблизиться къ выстроенному войску. Это произвело на насъ первое неблагопріятное впечатлѣніе по возвращеніи въ отечество"...

Однородная впечатлѣнія другъ за другомъ слѣдовали, конечно, каждый разъ, когда имѣли мѣсто не только отношенія власти къ гражданамъ, но и вообще взаимоотношенія между людьми, какъ помѣщикъ къ крѣпостнымъ, дворянъ къ мѣщанамъ, купцамъ и проч. „Либеральная идеи, по свидѣтельству Н. И. Тургенева, начали распространяться въ Россіи съ возвращеніемъ русскихъ войскъ изъ-за границы. Кромѣ войскъ регулярныхъ, за границей были также большія массы ополченія: эти ополченцы всѣхъ ранговъ, переходя русскую границу, возвращались по домамъ и рассказывали, что видѣли въ Европѣ. Это новое расположеніе умовъ обнаруживалось главнымъ образомъ въ тѣхъ мѣстахъ, где собраны были военные силы, и особенно въ Петербургѣ, который былъ средоточиемъ дѣлового міра и где было многочисленный гарнизонъ изъ отборныхъ войскъ. Въ Россіи, не имѣвшей свободы печати, общественное мнѣніе проявлялось исключительно въ особой, „рукописной литературѣ“. Въ этой, такъ сказать, контрабандной литературѣ обнаруживались стремленія и расположенія умовъ. Тогда явилось довольно много этого рода произведеній, замѣчательныхъ или по силѣ эпиграммы, или по высокому и поэтическому вдохновенію. До тѣхъ поръ неизвѣстныя, эти маленькія произведенія отмѣтили дни своего появленія, какъ эпоху жизни, надежды—и надо прибавить—здраваго смысла и размышенія. Даже обыкновенная печать участвовала въ этомъ движениіи умовъ. Предметы, до тѣхъ поръ недоступные публичности, были разбираемы въ серьезныхъ сочиненіяхъ. Периодическая изданія больше, чѣмъ когда-нибудь прежде, занимались тѣмъ, что происходило въ другихъ странахъ, а особенно во Франціи, где пробовались тогда новыя учрежденія".

„Правительство—продолжаетъ Тургеневъ—нетолько не противилось направленію, которое, повидимому, принимало общественное мнѣніе, но своими дѣйствіями показывало, что его симпатіи были согласны съ симпатіями здравой и просвѣщенной части общества. Въ доказательство можно привести образъ дѣйствій императора въ Польшѣ. Въ рѣчи, которую онъ произнесъ при открытии сейма въ Варшавѣ, Александръ въ формальныхъ выраженіяхъ объявилъ, что намѣренъ даровать представительная учрежденія и самой Россіи".

IV.

Сама Россія осталась, однако, не только безъ представительныхъ учрежденій, но и со старымъ гнетомъ произвола и беззаконія. Возбужденное общество вначалѣ довѣряло высказаннымъ намѣреніямъ правительства, а потомъ, видя продолженіе прежнихъ дикихъ порядковъ, стало образовывать тайные союзы и этимъ средствомъ думало достигнуть своей цѣли. Это было классическое время тайныхъ обществъ дѣйствительныхъ и воображаемыхъ. Можно сказать, что это была особая культурная форма, въ которую, между прочимъ, складывались прогрессивные стремленія общества, не имѣвшаго другихъ средствъ для выраженія своихъ мнѣній и потребностей. Въ первое время—сообщаетъ Н. И. Тургеневъ—эти благородныя души, которая впослѣдствіи хотѣли, цѣнью своихъ жертвъ, пробудить свое несчастное отечество изъ закоснѣнія, въ какомъ оно было погружено,—увлекались обыкновенно политическими идеями. Болѣе прозаической, но не менѣе существенныхъ идеи гражданской свободы, материальнаго благосостоянія человѣка оставались въ сторонѣ. Политическое рабство одно возбуждало ихъ негодование. Но спѣшимъ прибавить, что при первомъ замѣчаніи ихъ ревностная забота обращалась къ тому, чтобы найти средства стереть весь позоръ, прекратить всѣ бѣдствія своего отечества, и что ихъ первыя размышенія кончались проклятіями и противъ рабства крестьянъ, и противъ жестокости военной дисциплины. Я видѣль, какъ эти люди, презирая всѣ выгоды своего общественного положенія, богатства, предпочитали тяжкую казарменную жизнь милостямъ и удовольствіямъ двора или развлечениямъ и приятностямъ путешествія. Чтосталось съ ними, праведное небо!—замѣчаетъ Тургеневъ, вспоминая дальнѣйшую судьбу этихъ людей.—Надо имѣть вѣру во что-нибудь, чтобы не быть уничтожену, когда видишь, что такая преданность и такое самоотрицаніе кончаются такими несчастьями и такими бѣдствіями". (А. Н. Пыпинъ. Общественное движение при Александрѣ I).

Всѣ члены этихъ тайныхъ обществъ были вѣдь составной частью народа, который такъ самоотверженно возсталъ въ 1812 г. противъ нашествія французовъ, который столько трудовъ и доблести положилъ на дѣло освобожденіе Европы, который принесъ отечеству и долгъ столько жертвъ, и этотъ народъ остался по прежнему въ рабствѣ у помѣщикъ и правительственный чиновниковъ: „освободивъ отечество, освободивъ другихъ, онъ не завоевалъ свободы себѣ".

До глубины души всѣмъ этимъ возмущенные, члены тогдашнихъ тайныхъ обществъ составили нѣсколько проектовъ иного государственного и общественного устройства. Все содержаніе проектовъ можно выразить немногими слѣдующими словами: освобожденіе крестьянъ и установление народнаго представительного правленія по лучшимъ образцамъ, тогда уже имѣвшимся

К. Ф. Рылевъ.

Князь
С. А. Волконский.А. А. Бестужевъ
(Марлинский).С. И. Муравьевъ-
Апостоль.

И. А. Анненковъ.

Графъ
П. П. Коновнитинъ.

въ нѣкоторыхъ государствахъ Западной Европы. Въ проектахъ приводилась та мысль, что для правильного устройства мѣстныхъ земскихъ дѣлъ необходимо, чтобы ими завѣдывало само населеніе, и поэтому предполагалось введеніе ряда мѣстныхъ учрежденій, основанныхъ на выборномъ начальѣ и непосредственно примыкающихъ къ общеноародному, государственному представительству. Мѣстное самоуправленіе начиналось съ волости, въ которой должны были принимать участіе всѣ мѣстные жители и платить налоги на покрытіе расходовъ. Все мѣстное самоуправленіе предполагалось учредить не такъ, какъ теперь устроены земскія учрежденія: тутъ, во-первыхъ, не было никакихъ сословныхъ преимуществъ, какъ это видимъ въ теперешнемъ земствѣ, а во-вторыхъ, права мѣстныхъ выборныхъ учрежденій были гораздо шире. Члены тайныхъ обществъ понимали, что въ такой обширной странѣ, какова Россія, разныя мѣстности могутъ имѣть такія потребности и особенности, что ихъ гораздо лучше обсуждать и решать мѣстные люди, нежели даже выборные всѣй страны, собранные вмѣстѣ. Поэтому то они и представляли мѣстному самоуправлению такія широкія права: они не боялись признать за отдельными областями Россіи такую самостоятельность, которая въ наукѣ называется автономіей или федераціей. Они считали необходимымъ передать самоуправлению областей законодательство по мѣстнымъ дѣламъ. Надо прибавить, что

подобныхъ же начальствъ держался въ своихъ предположеніяхъ Александръ I.

Но всѣ перечисленныя мѣры не могли бы быть прочны, если не было преобразовано само государственное устройство. Въ этомъ и состояла главная задача тайныхъ обществъ: члены ихъ позднѣе такъ и показывали: цѣль заговора была ввести въ Россіи представительное народное правленіе, а главнымъ средствомъ для этого должно было служить распространеніе представительныхъ учрежденій. Члены тайныхъ обществъ составляли свои предположенія, какая нужна для Россіи конституція, т. е. какое лучше для Россіи представительное правленіе, какъ его слѣдуетъ устроить. Планы конституціи составлялись также императоръ Александръ I, и не одинъ разъ, но въ нихъ считалось возможнымъ ввести новый государственный строй даже безъ освобожденія крестьянъ. Члены тайныхъ обществъ ставили себѣ эту задачу значительно шире и разумнѣе. До настоящаго времени сдѣлялись извѣстными только два проекта представительного государственного устройства, составленныхъ членами тайныхъ обществъ. Одинъ написанъ декабристомъ Пестелемъ, и назывался „Русская правда“, но этотъ проектъ дошелъ до насъ только въ черновыхъ; полнѣе, въ болѣе цѣльномъ видѣ дошелъ къ намъ проектъ Муравьевъ, тоже декабриста. Государственное устройство по проекту Муравьевъ представлялось въ такомъ видѣ: государь раздѣляетъ зако-

Камера декабристовъ въ Гитинскомъ острогѣ (1829 г.).

А. В. Поджюо.

Баронъ
А. С. Розенъ.

П. И. Пестель.

Князь
А. И. Одоевский.

Н. И. Тургеневъ.

В. К. Кохельбекеръ.

нодательную власть съ народнымъ вѣчемъ, которое состоить изъ двухъ палатъ: палаты представителей народныхъ, выбранныхъ прямыми выборами, и верховной думы, которая избирается областными думами. Народному вѣчу должны принадлежать права по законодательству, указаню источникъвъ и распределению казенныхъ средствъ, по введеню новыхъ налоговъ, надзору за всмъ управлениемъ и контроль дѣйствий министровъ. Права верхней палаты народныхъ представителей нѣсколько больше, нежели права нижней. Безъ согласія народного вѣча не можетъ быть изданъ никакой законъ; законъ, принятый народнымъ вѣчемъ, представляется на утвержденіе государя; если же какой законъ государемъ утвержденъ не будетъ, такой законъ возвращается опять въ народное вѣче, и если обѣ палаты подтвердятъ такой законъ большинствомъ двухъ третей голосовъ, такой просить тѣмъ самимъ ужъ получаетъ силу закона, не нуждаясь въ новомъ представленіи Государю. По Муравьеву выборы какъ въ палату народныхъ представителей, такъ и всѣ мѣстные выборы основываются на извѣстномъ имущественномъ достаткѣ, цензѣ; исключение составляеть только волость, гдѣ къ выборамъ привлекаются всѣ мѣстные жители поголовно, безъ ограничений. Такая постановка выборовъ въ связи съ имуществомъ соответствовала духу тогдашняго времени. И въ Европѣ вопросъ о всеобщемъ избирательномъ правѣ тогда еще не поднимался какъ теперь, когда въ его пользу говорятъ опытъ и здравый смыслъ. Надо однако замѣтить, что и тогда между членами тайныхъ обществъ не всѣ соглашались съ самими составителемъ проекта и высказывались противъ особыхъ преимуществъ въ государственной жизни для лицъ богатыхъ съ извѣстнымъ имущественнымъ достаткомъ. Вотъ сущность тѣхъ тре-

бованій, на которыхъ стояли тайные общества того времени. Двумя основными задачами для нихъ являлось, какъ мы выше уже упомянули, освобожденіе крестьянъ и введеніе въ Россіи народного представительного (конституціонного) правленія.

Между тѣмъ всю Россію въ то же время мощно давилъ аракчеевскій гнѣтъ. Члены тайныхъ обществъ вели свою пропаганду, которая имѣла успѣхъ. Съ каждымъ днемъ увеличивалось число членовъ тайныхъ обществъ. Не мало было лить, которыхъ не принадлежа ни къ одному тайному обществу, тѣмъ не менѣе являлись сторонниками ихъ убѣждений, отстаивали необходимости ограниченія самодержавія и чиновничьяго произвола.

Въ запискахъ нѣкоторыхъ членовъ общества не разъ упоминается о людяхъ, которые дѣйствовали въ духѣ Союза, не принадлежа къ нему,—какъ, напримѣръ, въ крестьянскомъ вопросѣ дѣйствовалъ Пассекъ, въ служебной дѣятельности Рыльевъ,

до вступленія ихъ въ общество, въ литературу Пушкинъ. Личный составъ Союза, опредѣленный мнѣніемъ его членовъ, ихъ солидарность между собою, безъ со мнѣнія, содѣствовали распространенію ихъ образа мыслей, и нѣкоторые изъ нихъ не безъ основанія въ своихъ запискахъ говорятъ о вліяніи союза на тогдашнее общество. „Въ это время — пишетъ одинъ изъ нихъ—члены Союза вполнѣ цѣнили предоставленный имъ способъ дѣйствія посредствомъ слова истины; они вѣрили въ его силу и орудовали имъ успѣшно. Вліяніе ихъ въ Петербургѣ было очевидно“. (Пыпинъ).

Но все же для того, чтобы это вліяніе отозвалось сколько-нибудь замѣтно на окрѣпшемъ жизненномъ строѣ, на крестьянскомъ рабствѣ, чиновничьемъ самовластіи и на общемъ царившемъ произволѣ — оно было недостаточно и мало-по-малу

Казнены черезъ повышение 13 юля 1826 г.
на Кронверкской крутинѣ Петропавловской
крепости.

члены тайных обществъ стали склоняться къ мысли о необходимости насильственныхъ дѣйствій для достижения осязательныхъ успѣховъ. Междуцарствіе послѣ смерти Александра I представило, какъ казалось, удобный для этого случай. Войска, успѣвшія присягнуть въ Петербургѣ Константину Павловичу, какъ преемнику престола, стали приводиться къ новой присягѣ, Николаю. Такъ какъ отъ восшествія на престоль того или другого великаго князя члены тайныхъ обществъ не ждали пользы для родины, если оно не будетъ связано съ актомъ, обеспечивающимъ народному представительству участія въ государственномъ управлѣніи, то 14 декабря 1825 года наиболѣе дѣятельные члены тайныхъ обществъ явились вмѣстѣ съ преданными имъ частями войскъ съ протестомъ противъ неограниченного управлѣнія Россіей. Возстаніе было быстро подавлено, со-крушиено и вслѣдъ затѣмъ началось воплющее по своей безчеловѣчности преслѣдованіе декабристовъ. По всей Россіи забирали лица, заподозрѣнныхъ какъ участниковъ въ заговорѣ; всѣ они отвозились въ Петербургъ, гдѣ ихъ сажали въ одиночное заключеніе, держали въ цѣпяхъ. Скоро въ Петропавловской крѣпости не хватило мѣста, и обвиняемыхъ заточали подъ крѣпкими затворами въ разныхъ другихъ мѣстахъ. Заключенныхъ содержали крайне сурово. Слѣдственная комиссія не отличалась по отношенію къ нимъ ни законностью, ни справедливостью вообще. Хотя правительство, можетъ быть, и хотѣло придать своимъ дѣйствіямъ видъ законности, но дѣло велось съ полнымъ нарушеніемъ постановленій закона, предписанного порядка судопроизводства и всего того, что называютъ юридической этикой. Одинъ изъ главныхъ слѣдователей, графъ Бенкendorфъ, самъ потому признавался, что законность соблюдалась въ дѣлѣ декабристовъ „по возможности“, а это значитъ—могла и не соблюдаться. Въ воспоминаніяхъ подсудимыхъ имѣются доказательства нарушеній самыхъ основныхъ правилъ судопроизводства и справедливости въ этомъ дѣлѣ. Но какъ ни тяжелы были для обвиняемыхъ условия содержанія и допроса, многіе изъ нихъ выказали при этомъ чрезвычайное мужество и твердость убѣждений. Многіе изъ нихъ старались какъ можно лучше выяснить въ своихъ отвѣтахъ бѣдственное положеніе народа; не о спасеніи своемъ думали они, давая свои показанія, а о томъ, чтобы посильнѣ послужить до конца благу отечества (В. Е. Якушкинъ).

О достижении въ то время завѣтныхъ желаній декабристовъ естественно не было и помина. Послѣ окончанія слѣдствія, 121 декабристъ были преданы верховному уголовному суду, (позднѣе число декабристовъ еще увеличилось новыми осужденными); судъ призналъ всѣхъ виновными и заявилъ, что по справедливости всѣ они подлежали бы смертной казни, но судъ, руководствуясь указаніями императора, раздѣлилъ преступниковъ на разряды, причемъ счѣлъ нужнымъ пятерыхъ изъ осужденныхъ поставить въ разрядъ и приговорилъ ихъ къ смертной казни черезъ четвертованіе. Къ первому разряду было отнесено 31 человѣкъ и всѣ

они присуждены были къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы, остальные распределены еще по 11 разрядамъ и приговорены къ каторжнымъ работамъ, поселенію или ссылкѣ, и отдачѣ въ солдаты. Представляя свой приговоръ, верховный судъ призналъ, что есть степени преступленія, которая не должны быть доступны милосердію, но Государь все-таки смягчилъ приговоръ относительно многихъ, и смертная казнь преступникамъ первого разряда замѣнена была пожизненнюю каторгою. Тѣ-же пять преступниковъ, которые поставлены въ разрядъ, не были помилованы, и только четвертованіе имъ было замѣнено повѣщеніемъ.

Съ этимъ задушеннымъ возстаніемъ русскихъ самоотверженныхъ людей, имѣвшемъ главной цѣлью установленіе представительного управлѣнія въ странѣ, надолго были сметены не только попытки, но и сама мысль о лучшыхъ началахъ народогосударственной жизни въ Россіи. Точно совершился полный разгромъ творческихъ силъ страны, и, вновь укрепленные, вновь какъ-бы освященные, восторжевались произволъ и насилия надъ гражданами и цѣльмъ народомъ. Долгое царствованіе императора Николая I представлять собою сплошное, воплющее издѣвательство помѣщиковъ надъ крѣпостными, корыстнаго чиновничества надъ всѣми классами населенія, и послѣдовательного приниженія гражданъ, источенія ихъ силъ взяточничествомъ чиновниковъ и ихъ своеоліемъ. Когда Гоголь приступилъ къ изображенію тогдашней Россіи, онъ прішелъ въ смущеніе и ужасъ отъ той невѣроятно противной картины, которая развернулась передъ его умственнымъ взоромъ. „Мертвые души“ и „Ревизоръ“ указали собою все содержаніе тогдашней русской жизни. Великому бытописателю естественно пришло „не роптать на зеркало“, когда, по пословицѣ, „рожа крича“. На первомъ планѣ въ то время стояло преисполненное умственной тупости и хищныхъ наклонностей, своеобразное и въ то же время трусливое, развратное и лишенное всякаго нравственного чувства чиновничество. Поставленное властвовать надъ населеніемъ оно всю свою силу, власть сосредоточиваетъ исключительно на томъ, чтобы по возможности лучше высосать кровь этого населенія. За чиновничествомъ идетъ дворянство. Ему принадлежитъ не только русская земля въ качествѣ неотъемлемой собственности, но и люди, обрабатывающіе ее. Съ ними дворяне обращаются какъ со скотомъ, нарушая при этомъ всякия границы права и человѣческаго достоинства не только своихъ крѣпостныхъ, но и собственного. Владѣльцы помѣстій и крестьянъ, живя чужими труdomъ, волюшаютъ собою, какъ и чиновники разныхъ степеней нравственныхъ уродовъ, лихоимцевъ и бездѣльниковъ. Между чиновничествомъ и дворянствомъ высится воинство бранное, главная опора и гордость того времени. Его представители — нишіе духомъ субъекты, потонувшіе во всякихъ порокахъ и, не смотря на это, задающіе тонъ въ важнѣйшихъ жизненныхъ областяхъ, какъ помѣщики, какъ главы семьи и часто какъ занимающіе въ видахъ „кормленія“ не